

Суеверия как компонент воинской субкультуры

В статье анализируются разновидности суеверий как элементы институциональной воинской субкультуры. Отмечается, что характерные проявления суеверия в военной среде представляют собой попытки упорядочения и рационализации иррациональной реальности войны и военной службы. Делается вывод о необходимости внимательного изучения и учета влияния суеверий на поведенческие реакции человека, находящегося в экстремальных условиях.

Ключевые слова: суеверие, воинская субкультура, рационализация действительности, сужение рациональности

Sergey E. Zverev

Superstition as a component of the military subculture

The author analyzes the types of superstitions, as the elements of the institutional military subculture. It is noted that the characteristic manifestations of superstition in the military environment represent attempts to streamline and rationalize the irrational reality of war and military service. The conclusion about necessity of careful study and consideration of impact of the superstitions of the behavioral responses of a person in extreme conditions is done.

Keywords: superstition, military subculture, rationalization of fact, the narrowing of rationality

На войне вера человека в разумное устройство основ человеческого бытия, в той или иной степени предполагающее существование творческого начала, его регулирующего, подвергается сильнейшему испытанию. Особенно это характерно для религиозного сознания, покоящегося на вере в справедливого и человеколюбивого Бога, пекущегося о благе каждой твари, не говоря уже о своем высшем и любимом творении. Поэтому рядом с искренней религиозностью в военной среде нередко мирно сосуществует множество суеверий, что заставляет рассматривать их как особенность, неотъемлемо присущую воинской субкультуре.

Людам в высшей степени свойственно стремление упорядочивать окружающую действительность, устанавливая причинно-следственные связи, помогающие прогнозировать развитие событий, влияющих на течение жизни. Можно сказать, что религиозная вера есть попытка рационализировать окружающий мир, выбрав в качестве первой посылки дедуктивного умозаключения принципиально не опровергаемый топ – бытие Божие. Оказавшись перед лицом невозможности рационально объяснить гибель на войне внешне ничем не отличающихся от него людей, применительно к которым невозможно выстроить рациональное умозаключение, базирующееся на топах «бог справедлив» и «грешник заслуживает наказания», религиозное сознание оказывается перед лицом малоприятной дилеммы: либо признать, что

Бог несправедлив, либо, что грех ненаказуем. И в том, и в другом случае это тождественно отрицанию божественной воли, что является наименее худшим вариантом для человека, ибо это означает, что исчезает всякое разумное основание для надежды выжить и победить.

Поскольку самый надежный вид умозаключения (дедукция) в описанном случае оказывается несостоятельным, человеку не остается ничего другого, как прибегать к двум оставшимся, менее надежным, но более «утешительным», а главное, более доступным обыденному сознанию – индукции и аналогии. Именно эти виды умозаключений лежат в основе образования большинства воинских суеверий, все многообразие которых зиждется либо на основании **сужения рациональности**, либо **искажения рациональности** вплоть до абсолютной **иррациональности**.

Сами же воинские суеверия можно классифицировать следующим образом:

Вера в «звезду» полководца и собственное счастье; в «несчастливые» корабли, самолеты, прочие единицы техники, их номера и названия.

Вера в предметы и символы, приносящие удачу.

1. Вера в приметы.
2. Вера в несчастливые даты, в судьбу, в заговоры от смерти.
3. Одушевление оружия, вооружения и боевой техники.
4. Вера в амулеты и талисманы.

Нетрудно заметить, что суеверия, относящиеся к первым трем элементам нашей классификации, строятся на основании индуктивных умозаключений или заключений по аналогии.

Вера в «звезду» полководца является, пожалуй, одним из самых древних воинских суеверий. Удачливый полководец за счет имущества побежденных врагов обеспечивал более высокий «уровень жизни» своим солдатам, не говоря уже о том, что в жестокие времена, когда не очень-то считались с гуманностью и законами войны, в победе для них заключалась единственная возможность сохранить жизнь. Примером удачной эксплуатации полководцем этого суеверия может служить Юлий Цезарь, который, оказавшись перед лицом неприятной ситуации во время второй кампании (58 г. до н. э.) Галльского похода, убеждая своих соратников сохранять присутствие духа, прибегал к таким аргументам: «А что будто бы его не послушаются и на неприятеля не пойдут, то эти разговоры его нисколько не волнуют: он знает, что те, кого не слушалось войско, не умели вести дело, и им изменяло счастье; или же это были люди, известные своей порочностью и явно изобличенные в корыстолюбии; но его собственное бескорыстие засвидетельствовано всей его жизнью, а его счастье – войной с гельветами»¹. Перед нами типичная аналогия, прибегать к которой Цезарь вообще очень любил; вся его речь в упомянутом случае была построена на аналогиях.

Примером использования неполной индукции, лежащей в основании суеверия, может считаться устойчиво бытующее на Российском военно-морском флоте представление о **несчастливом названии** «Нахимов», под которым погибли 5 кораблей и судов. Ненамного отличается, кстати, репутация имени «Варяг», берущая начало в печальной судьбе знаменитого корабля-героя Русско-японской войны, считавшегося несчастливым. У подводников Северного флота дурной славой пользовался тактический номер К-1 (лодка под этим номером дважды на полном ходу садилась на камни), К-19 (лодка горела 3 раза, причем дважды пожар в реакторном отсеке сопровождался выбросом радиации). Высокой аварийностью отличалась Б-303, которая на морском жаргоне звалась не иначе как «Буки-SOS» (по букве морского семафора и подобию зеркального отражения цифры 3). Любопытно, что в поисках рецептов, как поступать, чтобы «сбить» печать несчастья с корабля, мнения расходятся диаметрально: одни моряки считают, что его необходимо переименовывать, другие – что само переименование ни к чему хорошему не приведет; эта мера в массовом сознании также приобрела характер скверной приметы.

Широко распространенным воинским суеверием является упрямая **приверженность военнослужащих предметам обмундирования и снаряжения**, побывавших с бойцом в ряде опасных переплетов, из которых удавалось удачно выкарабкаться. Строится она на попытке конструировать текущую ситуацию по аналогии, как, очевидно, стремился это сделать в сражении при Денене (1712 г.) французский полководец маршал де Виллар, возглавивший атаку своей кавалерии одетым в «приносящую счастье» буйволовую накидку, которая неизменно сопровождала его во всех прежних битвах. Эпизоды эти можно было бы умножать до бесконечности. В качестве классического примера **приносящего удачу символа** сразу же приходит на память использование свастики в воинской символике нацистской Германии.

Вера в приметы также основывается на неполной индукции. С древности хорошей приметой, например, считалось парение орла над войсками или над головой полководца перед сражением. Дурной приметой, нашедшей отражение даже в фольклоре, считалось спотыкание (как в русских богатырских сказках и былинах спотыкание коня перед неприятелем) или падение вождя, его стяга или других значащих символов. В этом случае от полководца требовалась немалая находчивость, для того чтобы перетолковать неблагоприятное знамение в свою пользу.

Когда Фридрих II отправлялся на Первую Силезскую войну (1740–1742 гг.), при его прибытии в г. Кроссен с соборной церкви сорвался колокол. Это произвело очень неблагоприятное впечатление на прусских солдат. «Будьте покойны, друзья мои, – тотчас нашелся Фридрих, – падение колокола имеет для нас благоприятный смысл, он значит, что **высокое и громкое** падет и смолкнет». Под этими словами все поняли намек на Австрию, и ситуация была спасена.

Даже бытовые приметы на войне обретали порой зловещий смысл. В годы Великой Отечественной войны капитан А. В. Белопольский в письме к жене писал: «Замечательная вещь, оказывается, – народная примета. Недавно мне старшина говорит: „Як хотите, тов. капитан, а вам жена изменяет“. „Это почему ты знаешь?“ – спрашиваю. „А як вы курите, то все у вас папироска с одного бока горит. Это верна примета“»². И, действительно, жена капитану изменила: последнее его письмо 31 августа 1943 г. повествует о свершившемся факте измены. А 5 октября того же года на А. В. Белопольского пришла похоронка. С этим связывалось еще одно фронтовое суеверие; некоторые ветераны до дня и часа соотносили факты измен «боевых подруг» со вре-

менем и обстоятельствами гибели их мужей и возлюбленных.

Ряд типично военных примет приведен в воспоминаниях сержанта М. Г. Абдулина: «... были у меня и другие суеверные символы. В поведении. С убитых не брал даже часы! И я замечал: как только кто-то нарушал это мое суеверное правило, погибал сам. Закономерность какая-то действует»; или «...кто слишком трусливо прячется, обязательно погибает. Усвоил эту примету настолько, что угадывал: „Убьет“, – и редко ошибался»³. Относительно последней приметы: похожая ситуация описана в романе Н. Мейлера «Нагие и мертвые», когда сержант Крафт безошибочно предугадывает гибель рядового Хеннеси, наблюдая за тем, как тот суетливо и очень старательно окапывается.

Искажение рациональности вплоть до полного отказа от нее присутствует в таких, можно сказать, типично воинских суевериях, как **вера в несчастливые даты, цифры, числа, в судьбу и возможность заговорить смерть**. Например еще германские ландскнехты в XV в. наотрез отказывались вступать в сражение в день, когда христианская церковь чтит память 14 000 вифлеемских младенцев, избивенных Иродом.

Своеобразная «военная нумерология» проявляется в стремлении обычно «задним числом» устанавливать связь трагических событий с той или иной цифрой. Так, в очень интересном исследовании Л. В. Евдокимова, опубликованном в ряде номеров журнала «Разведчик» в 1914–1915 гг., в качестве иллюстрации этого феномена приводилась заметка из газеты «Баку» от 11 апреля 1915 г. о влиянии «фатальной цифры» на судьбу человека: «Бывают иногда странные совпадения, влияние чисел на судьбу человека. Для убитого недавно подпоручика Б. В. Лопухина фаталистическим числом оказалось число 8. Выступив в поход с полком младшим офицером 8-й роты, участвуя в ряде славных боев железной бригады, Б. В. был ранен 8 ноября 1914 г. Вернувшись снова в свой полк, находившийся в составе 8-го корпуса VIII армии, принял на законном основании 8 роту. Приехав в полк 28 февраля, он был убит пулей в сердце через 8 дней, а именно – 8 марта. К этому надо прибавить, что его отец подполковник В. М. Лопухин, был убит пулей в сердце при обороне Порт-Артура на Куропаткинском люнете 8 августа 1904 г.»⁴.

До нашего времени дошла нелюбовь военных к числу 13. В ходе афганской войны, по воспоминаниям ветеранов, на эти числа старались не планировать проведение боевых операций. К этой же войне относится отдающая суеверием традиция не брать на «боевые» солдат, подлежащих увольнению в запас, после выхода

соответствующего приказа министра обороны.

«Значение разума, хладнокровия, боевого опыта, предусмотрительности, – писал фронтовик Великой Отечественной, впоследствии известный правозащитник П. Г. Григоренко, – в общем, личных качеств для выживания на войне трудно переоценить, но элемент мистики в боевой обстановке – вера в судьбу и Провидение – не оставляет даже людей, которые заявляют себя убежденными безбожниками... Мною владело чувство, что на войне я не погибну»⁵. Естественно, что в этом случае мы имеем дело с иррациональной уверенностью, основывающейся разве что на исключительно развитом эгоцентризме.

Заговоры от смерти древни, как мир. Тексты молитв (чаще всего совершенно неканонических), тропарей, псалмов и всевозможных заговоров во все века наполняли ладанки, носившиеся на груди или зашивавшиеся в одежду воинов. Что, однако, не мешало пользоваться ими и в наше просвещенное время.

Перед началом Русско-японской войны, например, журнал «Разведчик» поместил заметку о том, что некие «подозрительные монашки» распространяли в войсках листки с заговором якобы из Священного Писания, который «обеспечивает человека от всяких бед, в том числе от пули и оружия врага во время битвы»⁶.

В годы Первой мировой войны в русской армии имели хождение так называемые «святые письма» примерного содержания: «Сие письмо найдено за иконой в Почаевской Лавре. Письмо это писано золотыми буквами Самим Иисусом Христом. Кто это письмо хочет прочитать, то оно само раскрывается, потом опять закрывается, в скором виде (!) и возвращается в собор за образ св. Михаила». Далее шли наставления, после которых следовали обычные в таких апокрифических письмах угрозы и обетования: «кто не будет верить этому письму, тот будет проклят отныне; а кто будет давать списывать и прочитывать письмо, то хотя бы имел столько грехов, сколько звезд на небе и в море песку или на земле травы, то все будет прощено; а кто это письмо имеет и не дает списывать, тот будет Богом наказан и изгнан из Царствия Божия. И кто будет иметь это письмо на войне, то ни один неприятель не повредит, а кто носит это письмо при себе, тот везде будет счастливым и получит Царствие Божие»⁷. Тексты суеверных молитв, по свидетельству Л. В. Евдокимова, вводили ряды не только «христоролюбивого воинства», не менее они были распространены и в германской армии.

В воспоминаниях ветерана Великой Отечественной войны С. Г. Дробязко читаем о том, как

его сверстники-сослуживцы предложили ему воспользоваться этим средством: «В тетрадке оказалась переписанной не то молитва, не то заговор от пуль... В голове не укладывалось, что в наше время молодые грамотные парни могут верить в чушь. А они стали предлагать мне переписать молитвы и передавать их знакомым ребятам. Я отказался... они меня обругали...»⁸.

Еще более интересным методом заговаривать смерть является описанный в дневнике М. С. Шпилева метод «от противного», заключающийся в упорных размышлениях и разговорах на тему смерти, считающихся, как известно, в обычной обстановке противоречащими правилам хорошего тона. Частым призыванием смерти на войне человек словно стремился обмануть смерть, пытаясь вызвать у нее ощущение, что он настолько уже ее «клиент», что взмахнуть косой здесь уже как-то и неинтересно, и это дело вполне может подождать. Можно сказать и так: здесь имело место своего рода глубочайшее, почти религиозное смирение перед смертью, памятью, конечно, о том, что смирение – добродетель: «Смерть близка. А впереди муки, рыдания, увечья, смерть! Получен приказ. Куда? Конечно на смерть! Все жду чего-то страшного, плохого, нехорошего. Чего плохого – не знаю, но ждать хорошего не приходится. Что впереди – никто точно не знает, известно мне одно – смерть, увечье. А уже пахнет весной, волнуя душу молодого, обреченного на смерть. Состояние как у приговоренного к смерти»⁹. Запись относится к весне 1944 г., т. е. времени относительно стабильной обстановки на советско-германском фронте, а не, как можно предположить, к 1942 г., характеризовавшемуся высочайшими кровавыми жертвами за всю войну. Интересно, что М. С. Шпилев прошел войну, не будучи даже ранен. Что ему помогало, помимо установления «близких отношений» со смертью, – увидим далее.

Одушевление оружия, вооружения и боевой техники не надо путать с обрядом их освящения, практиковавшимся с рыцарских времен. Хотя и то, и другое нередко имело место одновременно. Достаточно вспомнить наречение собственными именами знамен, мечей, рогов и прочих элементов вооружения и снаряжения рыцарей. «Песнь о Роланде» уже дает об этом хорошее представление: меч героя Дюрандаль одновременно представлял собой и мощевик, в котором хранились святые мощи и священные реликвии.

В годы Второй мировой войны практика одушевления вооружения и техники получила широкое распространение, особенно в стане наших западных союзников. Так называемое

«кредо» стрелка морской пехоты США, или «Молитва винтовке», составленная в 1942 г. после нападения японцев на Перл-Харбор генерал-майором Уильямом Х. Рупертусом, приобрела всемирную известность и даже нашла отражение в ряде произведений художественной литературы и кинематографического искусства. «Моя винтовка – человек, как и я, – говоритесь в нем, – потому что это моя жизнь. Поэтому я буду знать ее, как брата. Я буду знать ее слабые стороны, ее силу, ее части, ее принадлежности, ее прицел и ее ствол. Я всегда буду хранить ее от разрушительного воздействия погоды и повреждения, как я всегда храню свои ноги, свои руки, свои глаза и свое сердце. Я буду содержать свою винтовку чистой и готовой [к бою]. Мы станем частью друг друга... Моя винтовка и я защитники моей страны. Мы хозяева нашего врага. Мы спасители моей жизни»¹⁰.

Печальную известность стяжал и бомбардировщик Б-29 «Энола Гэй», носивший имя матери пилотировавшего его летчика, с которого была сброшена атомная бомба на Хиросиму. В советской практике в годы Великой Отечественной войны широко практиковалось присвоение имен боевой технике (самолетам, танкам и танковым колоннам), построенной на средства, собранные отдельными гражданами и трудовыми коллективами.

Подобная персонификация, неизменно, кстати, поощрявшаяся командованием, позволяла, с одной стороны, сформировать у бойцов особо бережное отношение к оружию и стремление мастерски владеть им, а с другой – способствовала возникновению иллюзии особой связи, власти и безотказности (если, допустим, самолет называли именем любимой) или особой защищенности (в случае названия боевой машины именем матери).

Исключительно интересной разновидностью воинского суеверия является **вера в амулеты и талисманы**, дожившая до относительно недавнего времени.

Например, в исследовании Л. В. Евдокимова указывалось, что «...генерал фон Мюнстер, командир 5-го германского корпуса, в частности, запретил, по словам „Берлинер Тагеблатт“, солдатам покупать распространившийся в армии амулет, состоящий из каких-то „волшебных букв“, вылитых из олова. Эти буквы носят на груди. Они предохраняют будто бы от неприятельских пуль»¹¹. Тема распространения амулетов в рядах австро-германцев развивалась и в другом номере «Военного сборника», который повествовал об амулетах, найденных у пленных и убитых немцев и австрийцев: «Крохотные фигурки руки, птички, мальчика – наиболее обыкновен-

ны и в особенности встречаются у пленных австрийцев. Есть и печатные изображения птицы с надписью: „О, птичка, огради меня от беды!“ .. У германских немцев в большом ходу изображение воина с огненным мечом и т. п., и только у одного немца была найдена ладанка с изображением креста»¹².

Как видим, информация подавалась явно в пропагандистских целях, чтобы уверить публику в антихристианской сущности противников России. Не чужд суеверию, если верить публикации, был и сам германский император Вильгельм II, про которого было «известно, что кайзер носит при себе „трилистник“ – о четырех листках, как знамение победы над врагами Германии. Этот самый трилистник помог деду Вильгельма в 1870 г.»¹³.

Малоизученной по сей день остается тема употребления амулетов и талисманов на Второй мировой войне. По одной простой причине: существование талисмана полагалось хранить в глубокой тайне от всех, поскольку считалось, что в противном случае он теряет силу. Правило это соблюдалось настолько свято, что по прошествии почти семидесяти лет после окончания войны немногие из тех, кто признается, что владели талисманами, неохотно говорят о том, что они из себя представляли, чему в огне сражений бойцы вверяли свою жизнь. В ряде случаев об этом можно только догадываться по косвенным свидетельствам.

Прочитаем внимательно записи в дневнике М. С. Шпилева.

27. 4. 44

Потеряна ручка, а с ней и счастье.

Утро под 28. 4. 44

Сегодня первый день без авторучки. Я как без рук. Как я любил ее! Без нее я действительно...

1. 5. 44

Я на огневой. Немного выпил, отпраздновал белым хлебом. Эх, нет ручки! Пропала, а вместе с ней мое счастье. **Каждую минуту жду смерти** (выделено мной. – С. 3.).

3. 5. 44

Все поговаривают о скором конце войны. Как жестоко они ошибаются. Как я был прав бесконечно, когда сказал, что ручку потерял навечно, и что с ее потерей потерял и счастье. Да, не видать мне больше моей любимицы, не видать мне и счастья в жизни!..

24. 6. 44

Как тошно, как грустно... А скоро начнется еще труднее. Кормежка будет хуже, требовать будут больше. Товарищей у меня нет, не с кем ни поговорить, ни поделиться мыслями, планами!

Не с кем посоветоваться! Нет Руднева (фронт-овой друг М. С. Шпилева. – С. 3.), нет авторучки!.. И так тяжело на сердце, что просто ужас.

Невыносимо болит сердце. Наверно, предчувствует беду. Беды – неминуемый мой спутник. Какая еще приготовлена мне судьбою?¹⁴.

Казалось бы, что страшного – ну потерял человек авторучку, пусть даже и с «вечным» пером, которое было редкостью на фронте – писали, в основном, химическим карандашом. Но человек убивался по своим письменным принадлежностям почти два месяца. Это наводит на мысль, что авторучка была талисманом Шпилева. Уже одно то, что авторучка оценивается наравне с лучшим другом, говорит о многом, равно как и то, что без нее не мыслится никакого счастья и особо остро ощущается неизбежность смерти.

О непоколебимой вере солдата в защитное действие талисмана подробно написал М. Г. Абдулин – в годы войны **комсорг** минометной роты.

Не знаю, кто как, а я тот паспорт («смертный» медальон, который бойцы называли «паспорт смерти». – С. 3.) выбросил тихонько, чтоб никто не видел, и на его место положил в брюки свой талисман – предмет, который я должен буду сберечь до конца войны. Наверное, у всех моих товарищей были вещи, которые служили им талисманами, но говорить об этом было не принято: талисман «имел силу», если о нем знал только ты сам.

Но вот талисман пропал. И бравый сержант, не раз смотревший в глаза смерти и сам несший смерть врагам, так описывает свои впечатления от этой утраты.

Я, перед тем как лечь, привычно нащупываю свой талисман... И тут сон мой улетучивается – карманчик в брюках пуст! Сначала я просто сидел ошеломленный и без единой мысли в голове... Потом стали появляться мысли. Поискать?.. Где?! В изрытой мокрой земле, которую перемесило множество солдатских ботинок? В высокой траве под ливневым дождем и в темной ночи? В чистом поле, где вокруг окопов накинута земля?.. Потерял все-таки... Значит, я буду убит.

Пытаюсь убедить себя, что все это чушь. Ведь талисман, если здраво-то рассудить, – символ, который я сам себе выдумал. Ну, при чем здесь, спрашивается, эта маленькая штучка и моя... жизнь или смерть?.. И зачем только я связал себя этим символом! Вот не было печали-то!..

Какая-то неведомая сила мне велит: «Иди,

Суеверия как компонент воинской субкультуры

ищи!» И дождь внезапно остановился. Я вышел из блиндажа. Ни даже крошечной надежды у меня не было, что найду.

Смотрю на чей-то огромный след... И вдруг замечаю: на каблучном следе – тоненькая, со спичку вроде, палочка... Я нагнулся, ковырнул ногтем и поднимаю эту палочку-желобок. Ближе осветил фонариком, понюхал изнутри желобка – пахнет никотином. Руки затряслись! Осторожно, еще боясь впустить в себя огромную бешеную радость, исследую заполненный водой след и достаю вмятые под водой в глину еще три палочки желобком!.. Да, это был раздавленный, расколовшийся на четыре части мой мундштучок... Талисман мой!

В блиндаже достал я из вещмешка нитки, сложил вместе четыре части мундштука и крепко смотал их ниткой. Потом спрятал свой талисман в брюки на прежнее место и зашил карман наглухо... «Наверное, меня тяжело ранит», – подумал я¹⁵.

И действительно, тяжелое ранение Абдулин получил... 28 ноября 1943 г., во время боев на Днепре, а описанный случай произошел в конце июня того же года, когда наши войска готовились принять участие в Курской битве. Т. е. солдат невредимым прошел сквозь огонь кровопролитнейшего сражения под Прохоровкой, ожесточенные бои на Левобережной Украине, чтобы почти через полгода исковерканный талисман все-таки «подвел» его.

Представляет интерес, по какому принципу предметы наделялись солдатским сознанием статусом талисманов. В дополнение к рассказам М. С. Шпилева и М. Г. Абдулина приведем еще несколько свидетельств о существовании талисманов.

Со слов доцента Военно-морской академии, кандидата военных наук В. С. Мосенкова нами записан рассказ о его родственнике сержанте-пехотинце М. И. Смирнове (портном по мирной профессии), через всю войну пронесшем пришитую с внутренней стороны нагрудного кармана гимнастерки самую обычную пуговицу от пальто. Пришивалась она непременно «крестиком» через четыре дырочки и дошла со своим хозяином до Вены, после чего заняла почетное место в семейном «архиве».

Наконец, воспоминания ветерана войны Г. А. Калиняка содержат исключительно интересный рассказ о его сослуживце по 63-й гвардейской стрелковой дивизии А. М. Загорулько, подобравшего на одном из бесчисленных пожаров «увесистый утюг» (кто видел деревенские утюги, «работавшие» на углях, может представить их тяжесть) и полгода (!), до самой Побе-

ды таскавшего «железяку» в своем вещмешке. «Кряхтит старый гвардеец, – комментировал Г. А. Калиняк, – но не выбрасывает ее („железяку“ – С. 3.). Только, наверно, глядя на утюг, думает: „Господи, когда кончится эта проклятая война!“»¹⁶. Чего стоило пехотинцу, которому было уже за 50, носить такую абсолютно бесполезную на войне вещь трудно даже вообразить. И это в наступлении, когда из «сидоров» безжалостно выбрасывалось все, что давило на плечи или занимало место «трофеев». Можно предположить, что солдатом двигало нечто большее, нежели желание подарить утюг своей «старухе», чтобы она гладила и вспоминала, как ее муж был на войне, т. е. что утюг играл роль талисмана старого солдата.

Итак, авторучка, мундштук, пуговица, утюг... Что же повлияло на выбор столь несхожих предметов в качестве талисманов? Ответ нам видится в следующем: они представляли собой элемент довоенного быта солдата, будучи связанными либо с профессией (пуговица), либо с привычкой (мундштук), либо с престижным отличием (авторучка), либо с домашним укладом (утюг). Вещи, вырванные из обыденного употребления, становились талисманами. Сохранение талисманов на войне «гарантировало» возвращение солдата к мирной жизни, в которой они вновь становились востребованными, возвращали свое привычное, утилитарное значение. За талисманом, таким образом, предполагалось «стремление» вернуться к привычному для вещи употреблению, которое, как за ниточку, вытягивало человека из пекла боев к мирной жизни. Другими словами, в самом существовании талисманов прослеживается попытка человеческой психики восстановить нарушенный войной миропорядок, безрелигиозную гармонию бытия.

Следует особо отметить, что вера в талисманы не зависела ни от партийности, ни от возраста их обладателей. «Комсомольскому вожаку» подразделения М. Г. Абдулина членство в ВЛКСМ совершенно не препятствовало периодически «щупать» в горячке боя свой талисман. Также вполне можно сказать, перефразируя поэта, что суеверию «все возрасты покорны». Как видим, талисманы имели и двадцатилетние М. С. Шпилев, М. Г. Абдулин, М. И. Смирнов, и пятидесятилетний А. М. Загорулько.

Конечно, вера в талисманы есть абсолютно иррациональная попытка упорядочения как объективной реальности, так и хаоса взбаламученного войной внутреннего мира человека. Ни М. С. Шпилев, потерявший свою авторучку, ни М. Г. Абдулин, полгода обходившийся поломанным мундштучком, не погибли и оставили нам в назидание свои достопамятные записки.

Однако те чувства, которые они пережили в момент утраты или повреждения своих талисманов, должны заставить задуматься современных командиров и военных психологов. Человеческая психика, оказывающаяся в условиях запредельных нагрузок, всегда готова «отыграть» несколько столетий назад, возвращаясь к самым, на первый взгляд, диким и архаичным формам культуры. Тем больше склонности к этому выражает психика людей, воспитывавшихся в обществе с искаженным пониманием духовности, чуждой какой-либо религиозности.

К этому надо быть готовым, во-первых, для того, чтобы правильно диагностировать поведение человека на войне. Во-вторых, вера в талисманы выступает элементом воинской субкультуры, а культурологическая компетенция входит в состав компетентности коммуникативной. Столкнувшись с существованием талисманов, ни в коем случае нельзя высмеивать или подвергать критике самобытны или обладателей. В первом случае успех «терапии» может привести к возникновению у военнослужащего ощущения собственной незащищенности в бою, во втором – спровоцировать психическую травму у обладателя талисмана.

Приведенная здесь классификация воинских суеверий, конечно, охватывает только наиболее типичные случаи проявления попыток рационализировать иррациональную действительность. Однако даже простое их перечисление позволяет говорить о том, что суеверие является не столько «пережитком», сколько органичным свойством человеческой психики, проявляющимся преимущественно в экстремальных условиях.

Примечания

¹ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей / пер. и коммент. М. М. Покровского. М.: Ладомир–Наука, 1993. С. 29.

² Белопольский А. В. Страницы дневника, письма. Воронеж: Фак. журналистики ВГУ, 2011. С. 124.

³ Абдулин М. Г. 160 страниц солдатского дневника. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 74.

⁴ Евдокимов Л. В. Моления о помощи Божией в годину брани // Воен. сб. 1915. № 8. С. 147.

⁵ Григоренко П. В подполье можно встретить только крысы... М.: Звенья, 1997. С. 282.

⁶ Подозрительные монашки // Разведчик. 1904. № 691. С. 65.

⁷ Евдокимов Л. В. Моления о помощи Божией в годину брани // Воен. сб. 1915. № 1. С. 159.

⁸ Дробязко С. Г. Путь солдата: с боями от Кубани до Днепра, 1942–1944. М.: Центрполиграф, 2008. С. 37.

⁹ Мы все войны шальные дети...: дневники периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов: Приволж. изд-во, 2010. С. 144.

¹⁰ Современная военная риторика: полевой устав армии США: речевое воспитание военнослужащих США: хрестоматия / сост. О. Ю. Ефремов, С. Э. Зверев. СПб.: Алетейя, 2013. С. 211.

¹¹ Евдокимов Л. В. Моления о помощи Божией в годину брани // Воен. сб. 1915. № 2. С. 116–117.

¹² То же // Там же. № 6. С. 129.

¹³ То же // Там же. № 8. С. 145.

¹⁴ Мы все войны шальные дети... С. 234.

¹⁵ Там же. С. 82–83.

¹⁶ Калиняк Г. А. [Воспоминания ветерана войны]: рукопись // Лич. арх. С. Э. Зверева.